

УПРАВЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ ТРЕНДАМИ: ПОДСТУПЫ К ПРОБЛЕМАТИКЕ¹

1. К постановке темы

Начнем с напоминания идейной логики всего цикла наших рабочих семинаров. Мы следуем установке *антропологической экспансии*: выдерживая непрерывность, преемственность тематики, мы вместе с тем всякий раз совершаем освоение некоторого нового проблемного поля, вовлекая его в орбиту антропологического дискурса. На данной встрече мы будем, как и ранее, рассматривать антропологические тренды. Но это суть феномены двоякой природы, они одновременно принадлежат антропологическому и социальному уровням реальности. В прошлый раз мы обсуждали их диагностику или, иначе говоря, проблему идентификации тех антропоформаций, которыми порождается данный тренд. Тем самым, мы их рассматривали в их антропологической природе, и наша работа оставалась в сфере антропологии. Однако на этом семинаре мы наметили обсудить проблему управления антропологическими трендами – и здесь эти тренды надо рассматривать уже с социальной стороны, как социальные феномены. В самом деле, управление предполагает воздействие извне, из окружающего социума, и оно, как правило, стремится изменить такие свойства тренда как его роль и место в социуме – т.е. социальные свойства, скорее чем антропологическую природу. Поэтому, изучая управление антропологическими трендами, мы переходим рубеж антропологии и выходим в социальную проблематику. Синергичная антропология должна здесь осваивать новое рабочее поле – своего рода *интерфейс антропологического и социального*.

Этот интерфейс, область, где перекрываются, сопрягаются, взаимодействуют антропологический и социальный уровни реальности, – ключевая область для многих важнейших процессов в сегодняшнем мире. И, как можно ожидать, изучение конкретной проблемы об управлении антропотрендами одновременно даст вклад и в решение более общей задачи: заново и в современных терминах концептуализовать эту область, понять те новые отношения, что складываются сегодня между ее уровнями.

Приступим к теме *ab ovo*, с определения антропологического феномена. *Антропологический феномен* – это любой вид или любая группа антропологических проявлений, любая антропологическая практика или группа практик (напомним, что «антропологические проявления» и «антропологические практики» суть базовые термины, в которых синергичная антропология описывает реальность человека). Далее, антропологический тренд – это такой антропологический феномен, который со временем приобретает все большую распространенность в обществе, делается все более заметным, типичным, массовым. Иными словами, это такой антропологический феномен, который обладает внутренней динамикой, набирает социальную значимость и становится существенным фактором в социальной реальности.

Из этой дефиниции видно, что антропотренд – достаточно общий концепт для описания антропологической ситуации: эта ситуация в ее развитии всецело определяется совокупностью присутствующих в ней антропотрендов.

Понятно, что в социальной реальности имеются и многие другие виды трендов: в каждом из измерений социального бытия формируются и существуют свои тренды –

¹ Доклад и дискуссия на рабочем семинаре-практикуме в Новосибирске.

экономические, политические, культурные, а также прочие виды социальных трендов. В большинстве своем, они, в отличие от трендов антропологических, изучались давно и тщательно; накопленный богатый опыт изучения их и управления ими весьма полезен для нас и мы будем привлекать его. Напомним, однако, что в синергичной антропологии принимается тезис о примате антропологического уровня реальности: мы полагаем, что для всего культурно-цивилизационного организма, всей историко-культурной реальности в целом определяющими являются процессы на антропологическом уровне. Тем самым, с антропотрендами связаны процессы глубинные и определяющие не только для антропологического уровня реальности, но и для глобального развития в целом. Именно поэтому мы ставим их изучение во главу угла.

Далее, следует рассмотреть понятие управления антропотрендами. Очевидно, что подобное управление означает возможность воздействовать на избранный тренд, производя с ним любые желаемые изменения: усиливать или подавлять его, придавать ему иную направленность, модифицировать его свойства. Здесь нет неясности, но следом с необходимостью встает уже не столь очевидный вопрос – вопрос об управляющей инстанции:

Кто и с какими целями осуществляет или должен осуществлять управление антропотрендами?

Ответ заведомо не единствен – управляющая инстанция может быть различной, в зависимости от весьма многих факторов. Во-первых, она может меняться в случаях управления всего одним трендом, либо группой трендов, или же всей совокупностью трендов в некоторой антропологической ситуации. Затем, она может быть различна и в зависимости от масштаба ситуации: мы можем рассматривать тренды в пределах определенного локального сообщества – страны, этноса, региона, либо в глобальном, планетарном масштабе. Нетрудно указать и другие факторы, могущие породить различия. И все же возможно выделить основные виды управляющих инстанций.

В первую очередь, очевидно, что для любых антропологических трендов или групп трендов в качестве управляющей инстанции априори может выступать *власть, государство*. Это есть первая и естественная управляющая инстанция, хотя апостериори власть чаще всего оказывается неспособной достичь управления – не только по своей неэффективности, но и в силу того, что для антропотрендов, в отличие от трендов социальных, механизмы управления ими прежде почти не развивались и остаются неведомы.

Далее, в случае определенного конкретного тренда, задачу управления им нередко ставят сообщества участников соседних, смежных в социуме трендов. Они заинтересованы в том, чтобы на своего соседа так или иначе воздействовать: конкурирующие, враждебные тренды будут стремиться его подавить, солидарные – поддержать, усилить; и, вообще говоря, они могут находить для этого свои стратегии и средства. Итак, *смежные тренды* – еще один вид управляющей инстанции.

Наконец, помимо власти или соседних трендов, априори возможна, хотя и более проблематична, управляющая инстанция еще одного рода. Это инстанция, создаваемая не властью, а обществом, неадминистративными и неформальными структурами. В этом случае, в обществе, на достаточно широком уровне, должно возникнуть обостренное сознание существующей антропологической проблемы: должен сложиться консенсус, согласно которому крайне желательно тот или иной антропотренд (или группу трендов) сдерживать, блокировать, или напротив, создать, усилить и т.п. (хотя побуждения негативные, импульс реакции на опасность, более характерны и вероятны). Этот консенсус означает, что общество желало бы выступить управляющей инстанцией по отношению к данному тренду; и, вообще говоря, оно способно на конструктивное

продвижение к этому: оно может создать, как выражаются психологи (в частности, В.П.Зинченко), *функциональный орган* для осуществления функции управления. Это могут быть неформальные объединения, общественные движения, сетевые форумы, флэшмобы – ассортимент подобных средств сегодня хорошо известен и все расширяется, и вкуче, ансамбль таких средств может создать вполне ощутимое воздействие на избранный тренд. Итак, *гражданское общество и его функциональный орган* – это еще одна инстанция, которая может осуществлять управление антропотрендами.

Эта инстанция представляет для нас особый интерес, если учесть те цели, ради которых разные инстанции стремятся осуществлять управление. Понятно, что когда речь идет о взаимодействии отдельных трендов между собой, то управление трендом, будь то его подавление или стимулирование, предпринимается в частных интересах соседствующего тренда, ради его выгоды. Что касается власти, то во всех ее действиях неизбежно присутствует «властный интерес», забота о ее собственном сохранении и укреплении. Поэтому здесь управление трендами всегда имеет двойные цели: отчасти благополучие и защиту нормального существования общества и человека, но отчасти и собственный контроль власти над ситуацией, достигаемый путем подчинения антропотрендов и контроля над ними. Однако, если управление пытается осуществлять само общество, как невластная и неадминистративная инстанция, то в его цели может входить лишь исключительно обеспечение благополучия общества и человека, воспроизводство их существования в неких нормальных, удовлетворительных параметрах, защита их от опасностей и рисков.

Хотя, безусловно, нельзя и идеализировать голос свободного общественного консенсуса. Никак не исключено, что те тренды, которые этот консенсус будет стремиться подавить в своих защитных реакциях, могут иметь и ценные стороны, открывать ценные возможности самореализации человека. Сам этот консенсус может тяготеть к инертности, жесткому консерватизму, или, наоборот, к безвольной вседозволенности (*permissive society*). И все же, при всех ее недостатках, лишь эта инстанция может осуществлять управление антропотрендами так, чтобы происходила целенаправленная коррекция антропологической ситуации, соответствующая антропологической и социальной органике. При всех дефектах и неустранимых пороках этой неформальной общественной инстанции управления, лишь на нее можно ориентироваться в поисках возможностей целенаправленной и в то же время органической коррекции антропологической ситуации. Альтернативы ей нет.

В связи с вопросом о целях управления, следует пояснить и цели, мотивации нашего обращения к данной теме. Весь цикл наших семинаров сосредоточен на приложениях подхода синергийной антропологии к ситуации современного человека, ее острым и актуальным проблемам. Последний семинар, посвященный радикальным антропотрендам, дал чрезвычайно ясно увидеть, что картина сегодняшних трендов несет в себе глубокие риски и опасности для человека и человеческого сообщества, вплоть до угрозы самому их существованию, которая становится реальной в постчеловеческих трендах, в тренде видовой эвтаназии. Тем самым, остро встает и вопрос о возможностях преодоления этих рисков, возможностях *коррекции антропологической ситуации*. И в свете этой задачи, управление антропотрендами выступает для нас именно как стратегия и способ коррекции сегодняшней антропологической ситуации. Многие ведущие и активные сегодня тренды мы расцениваем как вызывающие беспокойство, нежелательные или прямо опасные; и заключаем, что для коррекции этой ситуации необходимо управление этими трендами в видах их изменения или блокирования. Сказанное об управляющих инстанциях позволяет также дополнить этот вывод: намечая стратегии управления, в качестве управляющей инстанции мы должны предполагать гражданское

общество, общественный консенсус и создаваемые им функциональные органы. Надо учитывать, однако, что управляющее воздействие общества отнюдь не автоматически принимает нужный характер. Общественный консенсус – далеко не панацея, и общество априори способно развивать управление трендами и так, что опасные их черты будут не корректироваться, а, напротив, усугубляться.

Наконец, для лучшего понимания существа и значения проблемы управления, проведем методологическую параллель. Мы хотим описать способы, посредством которых общество могло бы управлять своими антропологическими трендами. Но социум, который достиг возможности управления своими антропотрендами, приобрел этим новое качество и даже особую природу. В силу примата антропологических процессов, антропологического уровня реальности, общество, которое овладело способностью управления всею совокупностью своих антропотрендов, становится способным не только корректировать свою антропологическую ситуацию, но и контролировать, в крупном, все с ним происходящие изменения, в том числе, и на других уровнях: культурном, политическом и так далее. И это уже некоторый особый тип общества: социальный организм, наделенный полным иммунитетом по отношению ко всем расстройствам своего существования. Подобное общество способно не только целенаправленно устранять любые риски и опасности на пути своего развития, но, вообще говоря, также и изменять, преобразовывать себя в любом задаваемом направлении. Такое последовательное и целенаправленное преобразование себя есть именно то, что на уровне индивидуального человека именуется практикой себя, так что управление собственными антропотрендами может рассматриваться как аналог практики себя на уровне социальной реальности. Иными словами, общество, которое сумело достичь решения проблемы управления своими антропотрендами, может рассматриваться как «общество, осуществляющее практику себя». В реальной истории подобного типа общества, разумеется, не возникало, и наше понятие «общества, осуществляющего практику себя», должно пониматься как социальная модель, имеющая определенные ценные свойства и потому могущая служить одним из ориентиров развития.

2. Опыт истории

Продвижение к решению поставленной проблемы начнем с анализа исторического опыта. Мы только что вспомнили о практиках себя; и действительно, в качестве первого, наиболее раннего исторического примера, причастного к нашей теме, по праву могут служить античные практики себя, изученные Фуко. Априори любая практика себя может достичь такой распространенности, популярности, что ее культивирование станет социальным феноменом и антропологическим трендом; но апостериори лишь немногие практики этого достигают. Однако основные практики, исследовавшиеся Фуко, без сомнения, были не только индивидуальными практиками, но и антропотрендами. Скажем, позднестоические практики 1-2 вв., «Золотого века практик себя», по определению Фуко, обладали большою популярностью в Римском обществе, существовало немалое сообщество их адептов, институт их учителей, и все это составляло антропотренд, который воспроизводился и расширялся, а также и неизбежно вступал в отношения с другими антропотрендами. В их числе были и конкурирующие тренды аналогичного характера – к примеру, отвечающие эпикурейским или киническим практикам. Через взаимоотношения трендов и отвечающих им сообществ, через их конкуренцию шел путь к постановке задач воздействия на антропотренды и управления ими. Решая практические задачи своего воспроизводства, усиления, своих отношений с конкурирующими трендами, каждый тренд в сообществе своих участников вырабатывал определенные приемы, ноу-хау, относящиеся к воздействию на антропологические тренды. Однако здесь были, разумеется, лишь зачатки проблематики управления; но не ее общая постановка.

Целенаправленной и отрефлектированной работы с антропотрендами еще не было, и этот исторический эпизод принадлежит не столько истории, сколько предыстории нашей проблемы. В качестве управляющей инстанции здесь выступают, как видим, трендовые сообщества.

Исследования Фуко доставляют и другую страницу предыстории: она соответствует его «средневековой модели практик себя». Здесь мы тоже легко находим структуры, связанные с проблемой управления. Фуко рассматривает культуру средневекового, или византийского типа, когда доминирующая антропологическая формация конституируется христианской духовной практикой; для определенности, можно считать, что речь идет о восточно-христианской культуре, порождающим ядром которой служит практика исихазма. Поскольку данная практика определяет доминирующую в социуме антропоформацию, ее культивирование, в сочетании со всем ансамблем примыкающих к ней и поддерживающих ее практик², составляет антропологический тренд, который должен поддерживаться в качестве доминирующего в комплексе всех антропотрендов. Нить к задачам управления идет в данном случае именно отсюда: ведущий тренд должен воспроизводить, поддерживать свое ведущее положение, и для этого он должен иметь средства воздействия на другие антропотренды. Однако теперь взаимоотношения внутри комплекса антропотрендов носят совершенно иной характер, нежели в позднеантичных практиках. Средневековая культура всецело движима и проникнута религиозностью, и антропологическая проблематика здесь также возникает в религиозной оболочке. Духовная практика интегрирована в религиозную традицию и выражается на ее языке; антропологические же тренды рассматриваются и оцениваются не как собственно антропологические, а в своих специфически религиозных аспектах и импликациях; получают религиозное истолкование. Поэтому здесь создаются такие способы контроля трендов и такие способы их усиления или подавления, которые целиком определяются этим их религиозным истолкованием. Антропотренд, определяемый исихастской практикой, должен был утверждать свою доминантность по отношению к нескольким отличным от него, «уклонистским» трендам: к тем, что определялись ересями; к тренду, отвечающему так наз. «византийскому гуманизму», тяготевшему к античной культуре; к родственному тренду «латинофронов», тяготевших к католическому Западу. В данном случае уже сами эти тренды и отвечающие им практики не могут быть названы в собственном смысле «антропологическими» – скорее это тренды и практики религиозные, культурные, интеллектуальные. Нередко пристальный взгляд обнаружит в них и антропологические аспекты, однако они остаются имплицитными, на заднем плане. Соответственно, и те средства, которыми обеспечивалась доминантность исихастского антропологического тренда, здесь не носили выраженного антропологического характера.

Другая существенная особенность в том, что в обществе данного типа религиозная традиция тесно связана с институтами власти. Соответственно, способы воздействия на антропотренды (толкуемые как тренды религиозные) здесь могут использовать механизмы власти и связанные с ними средства насилия. В реальности такое использование происходило весьма активно, и эта связь с практиками власти и насилия – одно из важных отличий от тех способов, которые развивались во взаимоотношениях античных практик себя.

Наконец, приближаясь к современности и оставляя в стороне разработки Фуко, мы обнаруживаем в истории один пример, в котором достигалось значительно более глубокое продвижение в проблеме управления антропотрендами; можно даже сказать, что здесь

² Примыкающая и поддерживающая (по отношению к некоторой духовной практике) антропологическая практика – рабочее понятие синергийной антропологии, определяемое нами, в частности, в книге «Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте». М., 2010.

было получено на практике определенное решение этой проблемы. В данном примере в качестве управляющей инстанции выступает власть, и ключ к успеху полностью лежит в том, что это – тоталитарная власть. Принцип тоталитаризма – тотальное утверждение, абсолютизация некоторого коллективного начала – нации, партии, государства. Примат этого начала выражается в виде примитивной догмы, которой должно быть всецело подчинено все существование общества и человека, во всех его измерениях и на всех уровнях. В том числе, тоталитарной догме должна быть тотально подчинена и антропологическая реальность – все установки личности, весь мир ее и все поведение. Тоталитаризм предполагает, тем самым, тотальную переделку человека. В наших терминах, развертывание такой переделки есть антропологический тренд – причем опять-таки особый, тоталитарный: тотальность переделки означает, что она должна стать *единственным* антропотрендом, который искоренил или втянул в себя все прочие тренды.

Из всех властных формаций, тоталитаризм уникален по своей эффективности, в том числе, и в сфере антропологии. Он актуально реализует тренд тотальной переделки человека, осуществляет эту переделку на практике. Для этой цели он создает богатый арсенал антропологических техник, приемов, ноу-хау; и в основе всего этого арсенала – один ключевой антропологический феномен, которому я дал название «насильственной синергии». Суть феномена в том, что идеологическая машина тоталитаризма вторгается в сознание человека и под высочайшим давлением внедряет, вталкивает, втискивает в него некоторое специфическое послание. В этом «послании Большого Брата» соединены:

во-первых, азы тоталитарной догмы, которые представляются как истина и благо, как безусловная истина и безусловное благо;

во-вторых, угроза полного отщепенства, мучительного уничтожения, стирания в порошок – в случае неприятия догмы;

в-третьих, полнейшая гарантия здоровой, радостной жизни в единстве со всеми – в случае принятия догмы.

Это тройственное послание, очень внятное и цельное, внедряется под черепную коробку каждого гражданина. Проникнув в сознание путем невыносимого насильственного давления, своего рода *взлома сознания*, послание начинает в нем действовать. Огромный заряд скрытой в нем угрожающей энергии генерирует своего рода синергийный эффект: непроизвольный отклик сознания, спонтанно рождающуюся в нем подстройку к тому, что велит послание. В нем начинают находить не такие уж плохие грани, что-то и приемлемое, что-то и положительное, и этот процесс неодолимо прогрессирует в сознании. Иными словами, за счет взлома сознания, порождается механизм, структурно аналогичный подлинной синергии: механизм согласного, взаимно сообразованного, когерентного действия двух энергий, имеющих разный источник и разную природу, – собственной энергии человека, его сознания, и некоторой внешней энергии, действующей в сознании человека, но имеющей исток за его пределами. Механизмы такой атаки на сознание человека, производимой тоталитарными машинами идеологии, машинами подавления и террора, описаны сегодня подробно. Однако эти описания покуда не доходили до обобщающего вывода о природе всего процесса тоталитарной переделки сознания как «насильственной синергии».

Меж тем, этот вывод можно и углубить. Сознание, подвергнутое трансляции тоталитарной догмы, находится в состоянии, предельно удаленном от равновесия, от области своих стабильных и нормальных режимов. Это – состояние тупика, аффекта, острых негативных эмоций. И когда чувство тупика и нагнетание давления достигают предела, – воздействие третьего слагаемого «насильственной синергии», как внешнего импульса, несущего спасительный выход, рождает спонтанную перестройку сознания, его переструктурирование в тоталитарную формацию. Описанный механизм соответствует

уже не только синергии, но более конкретно – определенной *синергетической* парадигме – эффекту «диссипативной самоорганизации», суть которого в спонтанном и радикальном переструктурировании открытой системы, когда она выведена далеко из состояния равновесия и подвергнута воздействию внешней энергии. Заметим, что сходный синергетический механизм, резкая и радикальная перестройка сознания, прежде заведенного в тупик и подвергнутого нагнетанию негативных аффектов, используется при достижении сатори в практике Дзэн³. Характерным отличием этого синергетического процесса является необычайная, беспрецедентная скорость происходящего, скорость переструктурирования сознания. Не раз отмечалось, что в этом одна из удивительных и важных особенностей тоталитарного устройства. О ней пишет, в частности, А.М. Пятигорский, указывая, что тоталитарный «тип государства... сформировался с феноменальной быстротой в России. С какой-то невиданной в истории быстротой»⁴. Объяснение этой черты – именно в синергетической природе феномена. Как в подлинной, так и в насильственной синергии такая природа обеспечивается сочетанием двух факторов: во-первых, как выражаются в синергетике, так называемой «раскачки», максимального удаления от равновесия, и во-вторых, воздействия внешней энергии, «энергии внеположного истока», в терминах синергетической антропологии. Можно заметить и еще один пункт общности: для достижения синергии необходимою предпосылкой служит «сведение ума в сердце» – тесное сцепление, сведение воедино интеллектуальных и эмоциональных энергий человека; и при втискивании тоталитарной догмы интеллектуальные и эмоциональные энергии также неразрывно сцепляются меж собой. Но, разумеется, при определенном структурном сходстве с синергией, «насильственная синергия» имеет и коренные отличия от нее; у нее кардинально иной генезис, равно как и иной финал, телос. Если в духовной практике достижение синергии открывает процесс генерации новых личностных структур, процесс возрастания и обогащения личности, то «насильственная синергия», хотя отвечающая ей антроподинамика еще не изучена, явно осуществляет некоторую редукцию человека, его участие, урезание.

Для нашей темы важен, однако, другой аспект: здесь перед нами пример, в котором наглядно достигается управление антропологическими трендами. В тоталитарном социуме переход в тоталитарную антропоформу и существование в ней есть антропологический тренд, формируемый всею машиной тоталитарного строя. При этом, данный тренд неизбежно становится доминирующим, подчиняет себе все прочие антропотренды; и это значит, что, осуществляя насильственную синергию, тоталитарная власть решает, тем самым, и проблему управления антропотрендами. Но даже и более того. Задача управления антропотрендами может ставиться на уровне социальной реальности, когда принимаются в расчет и делаются предметом воздействия лишь социально значимые, отражающиеся на социальном уровне аспекты антропологических практик и трендов, такие как численность их адептов. Наряду с этим, она может ставиться и в усиленной форме, когда предполагается осуществлять воздействие и на собственно антропологические характеристики тренда. В этом случае, в отличие от первой, «слабой формы» задачи, воздействие должно оказываться уже не на социальном, а на антропологическом уровне, персонально на каждого из участников тренда. И тоталитаризм доставляет решение задачи управления именно в ее сильной форме. Механизм насильственной синергии – чисто антропологический, действующий на уровне индивидуальной личности и рассчитанный на то, чтобы «дойти до каждого человека», как гласила установка тоталитарной пропаганды. Его эксплуатация есть техника контроля и изменения сознания человека; и контроль над сознанием, управление сознанием – существенно более тотальная форма управления и контроля, нежели управление

³ См. об этом: С.С.Хоружий. Дзэн как органон // Фонарь Диогена. Проект синергетической антропологии в современном гуманитарном контексте. М., 2010. С.522-572.

⁴ А.М.Пятигорский. Политическая философия. М., 2007.С.87.

антропотрендами. Цель здесь – в точном смысле *абсолютный* контроль: как указывает Пятигорский, «тоталитарному государству есть дело до *всего*»⁵.

В итоге, тоталитарное общество выступает как своего рода сингулярность – система, в которой проблема управления антропологическими трендами вполне решена, однако таким путем, который напоминает лечение головной боли посредством отрубания головы. Сама антропологическая реальность подвергается здесь насильственной и радикальной редуцирующей – если угодно, ампутационной – трансформации. В свете этого, тоталитаризм, в известном смысле и известной мере, может быть сближен с постчеловеческими трендами, которые предполагают утрату видовой идентичности Человека.

Наряду с историческими примерами, для отыскания путей и принципов управления антропотрендами нам следует также рассмотреть имеющийся опыт управления трендами иного рода – уже не антропологическими, а социальными, культурными, политическими. В первую очередь, самый богатый опыт накоплен в сфере политических трендов; и, как мы увидим, этот опыт может быть очень полезен и в антропологической области. Здесь мы найдем и управление со стороны власти, и управляющее воздействие одних трендов на другие. Подобно тому как аскеза – это уникальная лаборатория антропологического опыта, где создается фонд средств и методов работы с антропологической реальностью, так политика, политическая жизнь – кухня социального опыта, создающая средства и методы работы с социальной реальностью, накапливающая фонд всевозможных ноу-хау для ее изменения. И здесь оказывается, что не только отдельные средства и методы, но и общие принципы, общая стратегия управления трендами могут быть весьма сходными для трендов политических и трендов антропологических.

В сфере средств воздействия на политические тренды, политические процессы, течения, давно сложилась отчетливая структура из нескольких уровней. Прежде всего, разумеется, необходим исходный *концептуальный уровень*: на нем должен быть представлен фонд понятий и идей, на базе которых дается описание социополитической ситуации и выделяются тренды, которые формируют эту ситуацию. На концептуальном же уровне намечается и некоторый арсенал средств для решения проблемы управления трендами. Далее, на противоположном полюсе располагается завершающий, *операционный уровень*: его составляют сами социополитические практики, в которых непосредственно реализуются стратегии и средства воздействия на тренды, и достигается решение поставленных задач управления. И очевидно, что, кроме этих двух уровней, необходим также третий, который бы осуществлял переход с начального уровня на конечный, от теории к практике. Этот связующий уровень – ключевое звено, посредством которого концептуальный фонд претворяется в действие, в эффективные социальные и политические практики.

С некоторой условностью назовем его *уровнем идеологии* или *уровнем партии*. Его основное содержание – тот же концептуальный фонд, однако переработанный и преобразованный, переведенный в такую форму, чтобы он производил индоктринацию сознания, порождал бы в сознании определенные реакции и практические установки. Эта несложная, но эффективная схема из трех уровней может быть названа ленинской схемой: ибо она в точности соответствует ленинской теории революционной партии, роль которой именно в том, чтобы с ее помощью «идея овладела массами», стала бы массовой идеологией и воплотилась в наборе социальных и политических практик. Иначе говоря, ленинская партия, «партия ленинского типа», и реализует ключевой посредствующий

⁵ Там же. С.88. (Курсив автора).

уровень идеологии. Это есть ленинское или, если угодно, марксистско-ленинское, решение проблемы управления политическими трендами.

И здесь мы уже можем установить некоторую структурную связь со сферой антропопрактик: аналогичную структуру из трех уровней можно обнаружить в практике себя, как она описана у Фуко на примере позднеантичных практик. Понятно, что в любой практике себя всегда присутствует операционный уровень – это и есть собственно исполнение практики, сама практика как таковая. Наряду с этим, в ней необходим и определенный концептуальный уровень, фонд ее принципов, идей, установок. Но, как нетрудно проследить в реконструкциях, в строении практики себя необходим и посредствующий уровень, и он здесь тоже играет ключевую роль, как и в политической проблеме управления. Он очень наглядно выступает в описаниях главной для Фуко эллинистической модели практик себя. В этих описаниях Фуко ставит в центр понятие *оснащения* (*paraskeue*, греч.) – и нетрудно увидеть, что это понятие он трактует именно как *ключевой механизм претворения концептуального фонда в практики действия*. В данном случае, рассматриваются не политические практики, а антропологические, индивидуальные, и действие носит преимущественно этический характер; однако трехуровневая схема налицо, и важность ее центрального уровня Фуко подчеркивает не менее настоятельно, чем Ленин.

Напомним вкратце, что такое оснащение, по Фуко. Ядро практики себя (позднеантичных стоических, эпикурейских, кинических практик) состоит в усвоении Учеником так называемых «истинных речей» Учителя. Эти истинные речи – концептуальный фонд, и практика Ученика должна на базе этого фонда создать установки практического действия и поведения. В терминологии этих практик, это значит, что ученик перерабатывает истинные речи в собственное оснащение: делает из них свои доспехи, свою экипировку для действия. Фуко говорит: «*Paraskeue* – это способ непрерывного преобразования истинных речей... в морально приемлемые принципы поведения»⁶, и я в своей книге «Фонарь Диогена» раскрываю эту формулу подробнее: «Содержанием *paraskeue* служат истинные речи, однако по-своему усвоенные учеником... «Истинные речи» должны быть в субъекте переведены, претворены в некий деятельностный модус: превращены во всегда наличные, держимые наготове инструкции жизненного поведения»⁷. Отсюда уже вполне ясно: описываемая модель практик себя, с одной стороны, и управление политическими трендами, с другой стороны, имеют в своей основе аналогичную трехуровневую структуру, в которой ключевым, посредствующим уровнем служит в политических трендах – уровень идеологии, или же уровень партии ленинского типа, а в рассматриваемых эллинистических практиках себя – уровень оснащения.

Таким образом, Фуко открывает в антропологии, в сфере практик себя, ту же трехуровневую парадигму управления, или, как он сам бы сказал, *матрицу управления*, которую Ленин, следом за Марксом, открывает в политических практиках и, в отличие от Маркса, успешно воплощает в российской жизни.

В итоге, хотя предыстория нашей проблемы не особенно богата, но она нам приносит ценный вывод: в различных видах практик, различных сферах антропосоциальной реальности возникает и эффективно действует одна и та же трехуровневая парадигма управления практиками, «матрица Ленина-Фуко». Отсюда, в проблеме управления антропотрендами у нас появляется некоторая путеводная нить. Мы можем отыскивать решение нашей проблемы, пользуясь этой парадигмой – пробуя

⁶ М.Фуко. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С.354.

⁷ С.С.Хоружий. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. С.537-538.

построить ее некоторую репрезентацию, конкретную форму, отвечающую избранной антропологической ситуации, ее трендам.

Решающий момент в такой стратегии – нахождение посредствующего уровня, или же *построение оснащения*. Какого-либо общего, универсального метода подобного построения, безусловно, не существует; каждое решение задачи управления в высокой степени конкретно. Поэтому дальше мы перейдем к рассмотрению конкретного примера; но скажем сразу, что и в этом примере уровень оснащения еще отнюдь не построен.

3. Современный пример

Постоянный предмет нашего интереса – антропологическая ситуация наших дней, к анализу которой мы обращались уже не раз⁸. Сейчас, в соответствии с поставленной темой, мы выделим в этой ситуации некоторый антропотренд или группу трендов и рассмотрим, насколько возможно продвинуться к построению для них трехуровневой «матрицы Фуко-Ленина».

В терминах синергийной антропологии, современная антропологическая ситуация характеризуется как период вхождения в Виртуальную топикю Антропологической Границы: период, когда на первый план выдвигаются всевозможные виртуальные антропопрактики. Круг этих практик отличается предельной широтой и разнообразием: в силу определяющих свойств виртуальной реальности, она включает в себя виртуализованные (т.е. актуализованные не полностью, не во всех своих измерениях и предикатах) версии антропологических проявлений всех других топик. Соответственно, здесь могут присутствовать и виртуализованные версии антропотрендов, отвечающих любым антропологическим ситуациям. Кроме того, поскольку доминантность виртуальной топикю еще не вполне утвердилась, в сегодняшней ситуации могут в известной мере сохраняться антропологические проявления и предшествующих антропологических формаций. Ближайшая из них отвечает Онтической топике, отмеченной влиянием паттернов бессознательного и модернистской культуры; но отчасти продолжают присутствовать и практики, тренды, отвечающие Онтологической топике, для которой конститутивную роль играет духовная практика. И наконец, самое существенное, здесь неизбежно возникают и некоторые новые антропотренды, специфические порождения нашего времени.

В разных аспектах, мы уже разбирали их (см. ⁷): в первую очередь, к ним принадлежат радикальные тренды, ориентированные к постчеловеку. Они объемлют целую группу активно развивающихся проектов, программ, стратегий, которые предполагают отказ человека от собственной видовой идентичности, исчезновение человека как вида и замену его неким кардинально иным существом, условно обозначаемым термином «постчеловек». Чаще всего, «наше постчеловеческое будущее» (название популярной книги Ф.Фукуямы) мыслится как мир генетических мутантов, или киборгов, или же как перевод сознания человека в форму компьютерной программы. В соответствии с этими версиями постчеловека, в современности выделяются «мутант-тренд», основанный на генных технологиях, «киборг-тренд», основанный на компьютерных технологиях, и «трансгуманистический тренд», также связанный с компьютерной реальностью и наиболее радикальный.

Как можно ставить задачу управления этими трендами? Конечно, очень поразному. В качестве самой прямолинейной постановки, мы можем занять позицию

⁸ См., напр., С.С.Хоружий. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Филос. науки, 2008, № 2. С.10-31; Он же. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов // Человек.RU. 2010 № 6. С.13-36.

адвокатов Человека, сторонников неисчерпанности его ресурсов, незаконченности его исторического пути. В этом случае перед нами встает задача управления постчеловеческими трендами с целью их сдерживания, а, возможно, и блокирования, купирования. Рассмотрим, как далеко мы можем продвинуться в решении такой задачи.

Как намечено, мы ориентируемся на трехуровневую схему стратегии управления и, соответственно, начинаем с построения ее концептуального уровня. Он должен содержать концептуальный фонд, дающий дескрипцию избранных трендов и обосновывающий необходимость или желательность их сдерживания. Для этих целей требуется анализ данных трендов, который бы раскрывал их природу и при этом выявлял те их свойства, что в том или ином отношении могут расцениваться как отрицательные, опасные. Занимаясь диагностикой этих трендов, мы уже проводили их анализ; однако для задач управления на первый план выдвигаются другие их стороны, нежели для диагностики. Сейчас необходима критика и деконструкция постчеловеческих трендов.

Чтобы вскрыть спорные, сомнительные, слабые стороны постчеловеческих трендов, следует направить внимание на их теснейшую связь со сферой технологий. Все эти тренды являются *технологическими трендами*, как мы будем говорить. Это значит, что в них осуществляются антропологические практики, связанные с определенными технологиями, и притом так, что сама их антропологическая суть, их цели (а не только средства) определяются характером и возможностями данных технологий. К примеру, компьютерные технологии, когда они связываются с человеком, с антропологическими практиками, подсказывают и диктуют для этих практик одни цели, генные же технологии – существенно другие цели, и, разумеется, сама конкретика антропопрактик, сращенных с определенными технологиями, тоже окрашивается и определяется этими технологиями. Резюмировать этот род связи можно так: в технологических – и, в частности, постчеловеческих – антропотрендах *антропология подчинена технологии*.

Это – важнейшее их свойство, которое и следует подвергнуть критическому анализу. Оно доставляет исходную основу для концептуального уровня стратегии управления. Для дальнейшего продвижения эту подчиненность технологиям необходимо раскрыть явно и предметно, и в разных постчеловеческих трендах она различна. Рассмотрим для конкретности мутант-тренд, в котором антропопрактики строятся в зависимости от генных технологий.

Проделанный нами анализ данного тренда⁹ показывает, что в нем выражает себя некоторая современная версия антропоформации Человека Безграничного – формации, в которой человек реализует себя, конституируется в своем отношении к мирозданию, в когнитивных и технологических практиках. Прежняя, классическая версия этой формации, отвечавшая Ренессансу и Новому Времени, предполагала процесс бесконечного совершенствования человека в ходе познания мира, мыслимого бесконечным же Универсумом. Однако сегодня эта давно известная и изученная формация, в которой себя осуществлял европейский человек, сильно изменилась, она выступает в некоем новом виде. Перед нами по-прежнему Человек Познающий (он же Безграничный), но смысл и телеология познания стали иными. Для сегодняшнего человека познание играет уже другую роль, и как раз на примере постчеловеческих трендов это очень видно. Конституция человека, осуществляющего себя в мутант-тренде, несомненно, определяется когнитивными и технологическими практиками, как и конституция старого Безграничного Человека. Но теперь эти практики – это практики генетического дизайнерства, в которых человек проектирует некоторые новые существа,

⁹ С.С.Хоружий. К науке управления антропологическими трендами // Спектр антропологических учений. Вып. 4. М., 2011.

конструирует парк мутантов; а далее он предполагает самоустраниться и заменить себя этими сделанными, артефактными существами.

Основная мотивация данного тренда, очевидно, в том, что сегодня создались соответствующие технологические возможности – научный прогресс сделал создание мутантов и замену человека мутантами возможной и реальной стратегией. Генезис тренда понятен и прозрачен; но поучительно сопоставить две версии Человека Познающего: мы видим меж ними резкую разницу и констатируем эволюцию человека. Это – эволюция в очень определенном направлении. В своем классическом воплощении, в эпоху Ренессанса и Просвещения, человек уверенно видел свои цели в развитии, развертывании собственной природы; и он не имел сомнений в том, что потенции и ресурсы этой природы неисчерпаемы, бесконечны. В современной же версии, в мутант-тренде, человек уже больше не видит перспектив в дальнейшей работе саморазвертывания. Он отказывается от этой работы, отказывается от себя – и желает самоустраниться. Иными словами, в сравнении с классической версией, сегодняшняя постчеловеческая версия Познающего Человека носит явно ущербный, закатный характер. И это значит, что успехи научно-технологического прогресса, столь поражающие взор, сочетаются в то же время с упадком человека, с антропологическим кризисом.

Данный вывод уже может, несомненно, войти в фонд тех критических аргументов, что должны далее переводиться в форму «оснащения», руководства к действию.

Другие постчеловеческие тренды (тренд трансгуманизма и киборг-тренд) базируются на весьма отличных антропопрактиках, и человек в них конституируется иначе, чем в мутант-тренде. В них вполне явно присутствуют виртуальные практики, и конститутивным отношением, формирующим человека, выступает не отношение к мирозданию как таковому, а отношение к сделанной, артефактной реальности: отношение *Человек – Машина* (компьютер). Парадигмы конституции человека, реализуемые в этих трендах, значительно более современны, чем конституция в практиках генетического дизайна, действующая в мутант-тренде; в отличие от нее, они уже принадлежат Виртуальной топике, а не формации Безграничного Человека. Но тем не менее все главные особенности отношения между антропологией и технологией, которые мы подметили в мутант-тренде, здесь также налицо. В этих трендах примат технологии принимает еще более яркую форму *примата Машины*. Здесь происходит идеализация и абсолютизация Машины, доходящая до ее культа; и примат технологии над антропологией наглядно воплощается в признании превосходства Машины над Человеком. В своей радикальной полноте, такое признание естественно приводит к стратегии самоустранения Человека в пользу Машины – что и есть стратегия трансгуманизма.

Здесь концептуальный фонд стратегии управления пополняется дальнейшими вкладами. Мы замечаем, что отношение к технологии и к Машине (компьютеру) в постчеловеческих трендах несет черты мистификации и мифологизации, неосознанного культа. Напротив, в том, что касается антропологии, эти тренды характеризуются ущербностью антропологического мышления, глухотой и слепотой к *аутентично человеческой* стихии, к личностной и духовной сфере человека. Во всех них господствует примат технологии, который становится всесторонним, определяя выстраивание антропологических практик, захватывая и всю сферу их целей, и сферу ценностей (сегодня уже имеется и постчеловеческая аксиология). При этом, сам феномен технологии принимается с абсолютным доверием как самоценность и самоцель; и сам он как таковой, и его генезис, и его отношение к человеку предельно мало подвергаются рефлексии..

Главный постулат, лежащий в основе всех постчеловеческих стратегий и трендов, *постулат о превосходстве постчеловеческой формации над человеком*, – никогда всерьез не был обоснован и потому остается неоправданным. И, на поверку, вовсе не это мнимое

превосходство питает и поддерживает подобные тренды, а совершенно иной мотив, скрытый, но отчетливо различимый для внимательного взгляда: это – *усталость человека*. Она рождает его пораженчество, его тягу уйти со сцены, готовность и склонность уступить свое место кому угодно, кто случился быть рядом.

Генотехнологии могут рядом поставить мутантов, очень хорошо, пусть мутанты.

Компьютерные технологии могут поставить рядом киборгов, очень хорошо, мы готовы и им уступить место. И так далее.

Эта характернейшая черта антропологической ситуации проявляется на многих уровнях. Как человек – постчеловеку, так на другом уровне, европейский человек тоже готов уступить свое место кому угодно из соседей: исламскому человеку или, в зависимости от обстоятельств, любой из активно себя заявляющих субкультур – геев, людей Эры Водолея и прочее. Вопрос не в этих кандидатурах, а в определенно наличествующей тяге человека совершить такой акт, уступить свое место, *уйти*. За постчеловеческими трендами (а купно и за целым рядом других антропологических феноменов) обозначается более общий и глубокий *тренд ухода*. Задача антропологического анализа – поиск его корней. И трудно сегодня указать какой-либо предлагавшийся ответ, за вычетом старинного ответа Фрейда. Фрейдов инстинкт смерти – это один априори возможный ответ, но апостериори современная наука едва ли примет его. Итак, из нашего обсуждения встают не столько готовые ответы, сколько новые задачи.

Вернувшись же к проблеме управления, мы можем считать, что мы очертили концептуальный фонд критики постчеловеческих трендов и подошли к центральному пункту: к вопросу о том, каким образом этот фонд можно было бы превратить в оснащение, в доспехи человека для осуществления задачи управления.

Актуальность этой проблемы в дальнейшем будет лишь нарастать, и, возможно, мы ею еще займемся.

Благодарю всех собравшихся.

Дискуссия.

Вопрос. Маленький комментарий: мне кажется, что когда мы говорим о том, что уход человека сопровождается взаимодействием с машиной, тут все-таки некоторая иллюзия, что машина действительно очень много может взять с человека.

На самом деле передача со стороны человека машине своих человеческих операций настолько реально мала, что пока говорить о какой-то большой опасности, мне кажется, очень преждевременно.

Ответ. Имеет место тренд. До какого пункта он реально продвинулся – это уже нужно конкретизировать ситуацию. Для меня было существенно, что налицо общая установка, я не брался фиксировать, до какой стадии она сегодня продвинулась в нашу жизнь.

Вопрос. Говоря о тоталитаризме, вы обсуждаете историю конкретных политических режимов 20 века или же говорите про идеальный тип, некоторые типические черты которого можно обнаружить и в современных режимах?

Ответ. Конечно, первое. Обличать современные режимы в тоталитарных чертах я никак не имел в виду, и разговор о тоталитаризме был в том разделе моего сообщения, который назывался «предыстория». Соответственно, я рассматривал исторические

образцы, а отнюдь не опираясь на некое понятие идеального тоталитаризма, которого мне, кстати, и неизвестно.

Вопрос. Можно узнать, какие именно образцы?

Ответ. Таковых два, как мы знаем. Нацизм и сталинизм.

Вопрос. Когда вы говорили про инстанции управления, и власть как инстанцию, то вспоминали и практики себя в трактовке Фуко, практики стоиков. Возьмем фигуру Марка Аврелия, который, с одной стороны, был властью, с другой же – практикующим стоиком. Было ли в его действиях осознание этого двойства, воплощался ли его личный опыт в деятельность как во властное управление?

Ответ. В своих текстах Марк Аврелий, разумеется, не император – он учитель практик, он стоик.

Вопрос. А вот как у него осознана управленческая инстанция – есть ли ясность в этом вопросе?

Ответ. В известной мере, вопрос открыт. Для нашей проблемы управления стоило бы перечитать Марка Аврелия под этим углом: как в его стоическом дискурсе отражается его императорское положение?

Вопрос. И второй момент – ваш финал, тяга человека уйти со сцены. Готового ответа, как вы сказали, у вас нет? Может быть, тяга человека заменять себя машиной и иного рода мутантами, объясняется тем, что он попросту как старик, уходит со сцены? Человечество состарилось как род, и заменяется непонятно кем. Заметим еще, что фитнес-культура на Западе, это реакция на старение.

Ответ. Такой ответ слаб и незрел концептуально. Что такое «старение», применительно к историческим, социальным, духовным формациям, отнюдь не ясно, и начинать тут нужно с вопроса о том, что такое старение человечества, можно ли корректно определить такое понятие.

Вопрос. Продолжая эту тему, вы говорите о том, что набирающий силу тренд – это тренд ухода человека, ну а видите ли вы что-то на другом полюсе? Есть ли какой-то тренд, который отвечал бы возвращению человека?

Ответ. Но «Возвращение человека» – так назывался наш прошлый семинар! Тенденции возвращения есть, конечно. В концепции этого семинара был уже сформулирован некий ответ на ваш вопрос. Тенденции возвращения – это тенденции нового антропологизма, и они, безусловно, налицо. Однако надо добавить, что они могут и не представлять собой состоятельной альтернативы, потому что если описать эти тенденции, как они сегодня реализуются, – мы увидим, что они отнюдь не исключают того, что человек возвращается к себе как раз для ухода – чтобы заботливо организовать, обустроить свой уход. Если угодно, это некая «закатная рефлексия себя», отрефлектированный уход, если угодно. Но это – ответ на очень нестрогом уровне.

Вопрос. Вы говорите - машина приходит на смену человеку, человек уходит с исторической сцены. Вы нас толкаете к тому, чтобы уходить красиво, осмысленно?

Ответ. В моих текстах нет ничего, что можно так интерпретировать, и ни в одном из своих докладов я никого и никуда не толкал. Всегда и неизменно, я лишь описываю происходящее.

С.А.Смирнов. Сергей Сергеевич, спасибо большое за доклад, за почин! Один методологический вопрос.

Понятно, что одно и то же явление можно описывать как антропологический тренд и как тренд социальный. Какие критерии демаркации между ними? Не следует ли считать,

что управляющей инстанцией антропологического тренда является человек, принимающий или не принимающий тренд как практику себя на уровне экзистенции, и принимающий или не принимающий этот тренд как систему взаимодействия с другими людьми на уровне коммуникаций, а социальный тренд – это тренд, который управляет обществом.

Ответ. Тут надо вернуться к исходным определениям доклада. Антропологический тренд есть социальное явление, точно так же как и антропологическое. С ним связано сообщество, и проблема управления им есть, по определению, социальная проблема, а не только антропологическая. Практика же себя есть процесс индивидуальной ауто-трансформации, но в ней тоже есть аспект управления, она может рассматриваться как «управление индивида собою». Тем самым, возникает структурная аналогия с управлением трендом, и этой аналогией мы очень активно воспользовались при решении проблемы управления трендами.

Вопрос. Тогда у меня вопрос, который уже задавали, только немного по-другому сформулированный. Не уход человека, а приход. Корни тренда ухода лежат в западной цивилизации, а что вы полагали как приход? Есть восточно-православная традиция, или там прихода нет, есть только переход какой-то?

Ответ. Термина «приход» у меня не было.

Вопрос. Я просто слово «возвращение» заменяю «приходом».

Ответ. Зачем, однако? опишите проблему, в рамках которой требуется термин «приход», и мы осмыслим ее. Вводить же лишнее слово ради слова – засорять дискурс.

Вопрос. Антропологические практики, которые сейчас есть для человека, – для постчеловека невозможны?

Ответ. Постчеловек – это покамест условность, это не есть нечто существующее и осуществляющее свои практики уже сегодня. То, что у нас есть, это не «примеры постчеловека», а примеры трендов, ведущих к постчеловеку. Поэтому нельзя с достоверностью сказать, что за практики будет осуществлять постчеловек. Да и вопрос поставлен слишком огульно: разнообразие антропопрактик безмерно, и при всей бездне, отделяющей человека от постчеловека, нельзя исключить, что какие-нибудь из них, хоть единичные, будут и для постчеловека возможны.

Вопрос. На самом деле, вопрос вообще был про практики. Вы говорили о том, что когда выявился постчеловеческий тренд, выяснилось, что человек уходит и уступает место тому, кто оказался рядом, а не своему потомку, ребенку. Приемник уже не из человечества.

Ответ. В такой форме вопрос приобретает осмысленность. Разные варианты постчеловека могут находиться в разных преемственных отношениях с самим человеком. В каких-то случаях эта преемственность, возможно, и может быть увидена как некоторая органика. Я хочу только заметить, что в этом случае преемник не назывался бы постчеловеком. Он так обозначается именно по своему предельному отличию, как *уже не-человек*. Иначе он бы себя обозначал как реализацию человека, как некоторое его развитие, развертывание его потенциалов.

Вопрос. Я бы хотел указать или предложить к рассмотрению тренд не менее чреватый последствиями, но к машинам, компьютерам никакого отношения не имеющий. Это психоделика и стоящий за ней наркодизайн, причем «нарко» тут надо понимать в самом широком смысле, для всевозможных жидких, текучих миров. Вся поэтика, стилистика тут совершенно другая, чем в машинных практиках, а значения эта область имеет никак не меньше. Потому что будет ли постчеловек машинный, киборг или

андроид, еще не известно, а психоделика в виде наркомании, наркотрафика и прочего – уже налицо, и как вполне массовая вещь. Причем у нее были свои почти двухвековые корни, в некотором роде психоделичный Дебюсси, и вся музыкальная линия, которая пошла в этом русле. И Штейнер со своей Вальдорфской педагогикой.

Ответ. Гораздо более ранние примеры можно найти.

Вопрос. Да, Бердсли тоже отчасти. Это некая линия, которая в 20 веке стала массовым трендом в массовом обществе. Не оснастилась, в смысле Фуко, а просто удешевились средства. Особенно с появлением синтетических веществ. Этому сопутствовала борьба за легализацию мягких наркотиков и за работу с подобными измененными состояниями сознания. Мне кажется, это заслуживает отдельной номинации в качестве тренда, потому что у этого явления свои, другие черты. В конце концов, тренды с культом Машины – это восстановление в правах инженерного, конструкторского разума, который подреветней научного, в некотором смысле. Архитектура и военная инженерия уже тогда обособились и специализировались, когда наука еще отдельным институтом не стала. Тут есть и давние социальные корни; известно, скажем, что французская политехническая школа поддерживала революцию, равно как и наши производственники и союзы инженеров, включая электриков. Что такое ГОЭЛРО и КЕПС – это бывшее общество русских инженеров и ученых, которое все придумало до революции и получило удачный повод это воплотить в жизнь сразу после 17 года. А вот у психоделического тренда социальных корней не видно впрямую. Словом, я предлагаю его включить в число учетных единиц трендирования.

Ответ. Абсолютно согласен. Психоделический тренд мы затрагивали на прошлом нашем семинаре, и с очень большим вниманием, я весьма подчеркнул его значение, когда описывал ассортимент психотехник. Однако он не причисляется к постчеловеческим трендам, и по праву – его адепты не ориентируются на какую-либо модель постчеловека. Цели практики мыслятся там иначе, менее радикально: человек тут стремится к «трипам» – впечатляющим, творчески плодотворным, но временным посещениям всяких необычных духовных областей; не к действительному претворению себя в некий иной модус существования и субъектности, а к тому, чтобы понарошку побывать, отведать самых разных модусов. Поэтому в синергийной антропологии эти практики квалифицируются как одна из гибридных топик: сочетание элементов духовных практик и виртуальных.